

ГРАНДМАСТЕР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ

ЧЕЛОВЕК
БОЯ

Москва
2016

Джерах, Ингушетия
КРУТОВ

Рация в ухе тихо шелкнула, пропуская бесплотный голос руководителя операции генерала Рюмина:

— Альфа, доложите обстановку.

— Все на местах, — отрывисто бросил Крутов; на нем был спецкостюм «киборг» со шлемом, не пропускающим звуки, который позволял держать связь со всеми членами группы в пределах двух километров.

— Начинайте, Альфа.

— Есть начинать. — Крутов бросил взгляд на экранчик органайзера — компьютерного координатора со схемой объекта, на котором высвечивалось положение бойцов группы, перешел на другую частоту. — Двинулись, орлы. На первом этаже — замереть!

Зеленые огоньки на экранчике органайзера пришли в движение. Оперативно-боевая группа «Витязь» антитеррористического управления Федеральной службы безопасности начала работу...

Горноклиматический курорт Джерах расположен в долине реки Армхи в Дайнахском ущелье, в тридцати шести километрах от столицы Ингушетии Назрани. Курорт занимает плато в так называемой Лунной долине (длина — восемнадцать километров, ширина в самой широкой части — десять) и окружен со всех сторон горами, склоны которых заросли сосново-буковым лесом. Сама долина покрыта смешанным лесом: граб, клен, сосна, бук, карагач, береза, — образующим

дивные пейзажи. Санаторий «Джерах» располагается в северной части долины, на крутом берегу Армхи, и может принимать на лечение до трехсот пятидесяти больных туберкулезом. К началу описываемых событий он был заполнен едва ли наполовину, в основном — жителями Ингушетии, Ичкерии и Дагестана, хотя лечились здесь и люди из других закавказских государств и из глубины России, из городов Сибири и Крайнего Севера.

Банда чеченского полевого командира Бадиева, не подчинявшегося официальной власти в Грозном, на счету которой было около сотни похищений людей с целью выкупа и трех десятков разбойных нападений на поезда и автомашины, двадцатого июля скрытно перешла границу Ингушетии (опыт таких переходов имелся значительный) и захватила санаторий.

Утром двадцать первого долина была плотно окружена войсками МВД Ингушетии и бригадой российского ОМОНа. В середине дня Бадиев, объявивший «священный джихад всей России», потребовал снять блокаду, доставить ему десять миллионов долларов, освободить всех мусульман, «страдающих в застенках российских тюрем», и, чтобы показать серьезность своих притязаний, расстрелял двух заложников из числа русских, прибывших лечиться в санаторий с берегов Иртыша.

К середине двадцать второго июля войска МВД отступили, с бандитами начались переговоры, которые ни к чему не привели. Не помогло даже вмешательство чеченского президента, намекнувшего Бадиеву о законах шариата, по которым он мог стать отщепенцем, кровником могущественного чеченского клана власти. Бадиев продолжал требовать, чтобы ему немедленно доставили в ущелье указанную сумму и чтобы по телевидению выступил российский президент (ни много ни мало!) с заявлением об освобождении узников-чеченцев. После чего расстрелял еще двух заложников: русскую женщину и эскимоса. Ингушей и других бра-

тьев по горячей и мстительной крови он все-таки трогать не решался. И тогда пришел черед выхода на сцену антитеррористических подразделений силовых структур, созданных специальным указом президента России еще в девяносто шестом году. Наблюдатели подразделений из ФСБ, Минобороны и МВД прибыли в Джерах сразу же после захвата Бадуевым санатория, но финальную часть операции по освобождению заложников доверили «Витязю» из управления АТ Федеральной службы безопасности, уже не раз доказавшему свою профпригодность в разных уголках страны, в том числе в Кавказском регионе...

Здание санатория было трехэтажным, старой постройки, с псевдоколоннадой по всему фасаду, лепниной, фестонами и широкими карнизами, по которым легко можно было взобраться на любой этаж и пролезть в окно. Однако Бадуев тоже понимал в этом толк и расставил охрану таким образом, чтобы стены санатория были видны как на ладони. Охранников наблюдатели Крутова насчитали двенадцать. Семеро занимали круговую оборону в круглых каменных беседках, расположенных вокруг основного корпуса санатория среди редких высоких сосен, четверо сторожили входы-выходы из здания, пятый удобно расположился на крыше. Все они были вооружены серьезно: автоматами, пистолетами и гранатометами, а сторож на крыше имел, кроме всего прочего, еще и пулемет. Наблюдатели докладывали, что видели даже минометы, словно Бадуев действительно собирался воевать «со вся Россией», но в данный момент минометы и прочее тяжелое вооружение, будь оно в наличии у банды, волновали Крутова меньше всего. Группа должна была снять часовых и просочиться в здание без малейшего шума, а внутри никакие минометы спасти Бадуева уже не могли... если только он не заметит бойцов спецназа и не начнет отстрел заложников, а этого допустить было нельзя.

Ночь, по счастью, выдалась темной, небо затянуло

тучами, и продвижение группы заметить было трудно, даже имея спецоборудование, которого у Бадужева по докладам наблюдателей не было. Бойцы Крутова, одетые в «киборги», не пропускающие тепло, сливались с местностью и двигались в особом темпе, умело используя хиккими и готон-нодзюцу — технику передвижения и маскировки ниндзя, проверенную столетиями ее использования. За четверть часа они подобрались к часовым вплотную и замерли, доложив о готовности к броску.

Крутов, следивший за действиями группы по экранчику органайзера, сказал только одно слово:

— Дернули!

И бойцы «дернули», спустив скобы арбалетов. Семеро часовых первой линии охраны Бадужева, практически все находившиеся под наркотическим кайфом, умерли без единого звука.

— Вторая линия! — негромко бросил Крутов, сам смещаясь к углу одноэтажной столовой таким образом, чтобы его не увидел часовой на крыше основного корпуса. Снайперы группы давно держали пулеметчика на мушке, но Крутов хотел подстраховать их.

Он встал за стеной столовой, выходящей к реке, где его невозможно было увидеть со стороны санатория, прикрепил к стеклу окна специальный зажим со струнным стеклорезом и за несколько секунд вырезал круглую дыру диаметром в двадцать сантиметров. Просунул руку в дыру, нащупал шпингалет, открыл нижний запор окна. Затем тем же манером открыл верхний. Бесшумно распахнул створку окна, примерился и одним упруго-змеиным точным броском нырнул в окно, приземляясь внутри помещения перекатом с головы на ноги; в данном случае он не рисковал поднять шум, зная, что это окно принадлежит торцу коридорчика, пронизывающего столовую. Однако после прыжка Крутов не бросился к лестнице с люком на крышу, а присел и замер, прислушиваясь к пустоте, как учил его первый учитель боевых искусств, мастер кунгфу, и

был вознагражден, вдруг почувствовав шевеление в глубине столовой и ощутив холодящий кожу вдоль позвоночника «ветерок смерти».

Бадуев подстраховался-таки, установив пост и здесь, хотя наблюдатели уверяли, что столовая пуста, никто в нее после восьми часов вечера не входил.

Крутов снял шлем, чтобы тот не экранировал тонкие поля и излучения, снова ушел в пустоту, сканируя окружающий мир обострившейся чувственной сферой. Тишина перестала быть абсолютной, внутренности столовой зашептались тихими призрачными голосами, мрак протаял многоцветьем бордовых и коричневых тонов инфракрасного спектра. Такое измененное состояние сознания было частью боевого транса, и Крутов давно привык к тому, что он владеет экстрасенсорикой наравне с известными целителями, но применял свое умение не в пример реже.

Их оказалось двое — засадных сторожей Бадуева, и оба сидели на кухне, выходящей окнами к единственной дороге, которая вела по-над речным обрывом к центральному корпусу санатория. Любая попытка федеральных сил атаковать курорт со стороны горного склона и леса была бы этими парнями пресечена в два счета, потому что у них, кроме автоматов, были еще и пулеметы, в том числе один крупнокалиберный, и гранатометы. Единственное, чего не учел Бадуев, устраивая скрытый пост в столовой, так это подготовки профессионалов «Витязя», работающих против него. А еще он не мог учесть и пристрастий своих людей: оба пулеметчика хотя и несли дежурство, тихо сидя в удобных креслах у окон, но были в сильном подпитии и адекватно реагировать на происходящее не могли. Во всяком случае, атаку спецназовцев на первую линию охраны санатория они не заметили, а также дали возможность Крутову вовремя их почувствовать и обнаружить.

Взмолившись, чтобы не заработала рация в оставленном в коридорчике шлеме, Крутов прокрался к

двери на кухню, не запертую ни снаружи, ни изнутри (так болваны и прокальваются!), приоткрыл ее по миллиметру, осторожно, без дыхания, рассмотрел обоих боевиков Бадужева, сидевших в расслабленных позах у окон помещения, по которому витали не слишком аппетитные запахи. Один из парней, с повязкой на лбу, булькая, допил бутылку пива, со стуком поставил ее на пол, закурил, пренебрежительным жестом отвечая на недовольное ворчание напарника. И в этот момент Крутов прыгнул вперед, огибая длинный стол с посудой и огромную плиту с кастрюлями и чанами. Туго свистнул в ушах ветер. Сброшенная воздушной волной от движения полковника крышка одной из кастрюль плавно полетела на пол, но еще до того, как она упала, Крутов воткнул в шею одного из охранников кинжал и поворотом кисти метнул звездочку сюрикэна в лоб второму, привставшему из кресла с автоматом в руках. Боевик издал удивленное «х-ха!» и осел обратно в кресло. Его напарник с кинжалом в шее дернулся пару раз и затих. И лишь после этого загремела по плиточному полу кухни упавшая крышка кастрюли. Крутов наступил на нее ногой, наступила тишина.

Откуда-то прилетел тихий стеклянный щелчок.

Полковник метнулся назад, чувствуя, как руки и ноги от пережитого напряжения становятся ватными, а лицо заливает пот, подхватил с пола шлем.

— Альфа, почему молчите? — принесла рация шлема голос командира операции.

— Все в порядке, идем дальше, — доложил Крутов. Отключил рацию и несколько секунд постоял, опираясь о стену, приходя в себя, потом рысцей направился в конец коридора, к лестнице на крышу. Вскоре он высунул голову в слуховое окошко на чердаке столовой и разглядел на плоской крыше санатория квадратную башенку воздуховода, возле которой за мешками с песком расположился пулеметчик. Его голова с биноклем у глаз изредка появлялась над бруствером гнезда и тут же исчезала, часовой бдил. Но он больше обращал

внимание на дорогу и на реку, чем на то, что делается у него под носом.

— Внимание! — проговорил Крутов, высовывая ствол своего снайперского комплекса в окошко и устраниваясь со всеми возможными в его положении удобствами. — Работаем по вертикали!

На темно-зеленом фоне ночного неба (таким был его цвет сквозь ночной прицел) появилось более светлое пятно — голова часового, и Крутов плавно потянул курок «винтореза».

Светлое пятно в окуляре исчезло. Получив две пули в голову одновременно (снайпер команды тоже знал свое дело и не промазал), часовой умер мгновенно. Остальные спецназовцы, подкравшиеся к санаторию вплотную, в течение нескольких секунд взобрались на карнизы первого этажа и проникли в здание, не нарушив сонной тишины курорта. Последним в корпус пробрался Крутов, которому понадобились две минуты, чтобы вылезти из столовой и добежать до громады здания, внутри которого слышались голоса и музыка: бандиты были уверены в своей неуязвимости и отдыхали от «трудов праведных».

Очутившись в одной из спален, Крутов глянул на экранчик органайзера и удовлетворенно кивнул сам себе. Операция развивалась точно по плану, все десять человек ударной группы заняли свои места согласно первому варианту захвата санатория. Можно было реализовывать следующий этап операции, для чего спецназовцы должны были оставить на местах огнестрельное оружие и приготовить холодное: ножи, кинжалы, метательные пластины и стрелы. Во избежание потерь среди заложников дальше группа собиралась начать бесшумный «бой теней», то есть взять бандитов без стрельбы.

— В ножи! — тихо приказал Крутов, снимая с себя «винторез» и доставая из петли на поясе отечественный пистолет «бердыш». И в это время с хрипом заговорила в ухе рация:

— Альфа, отбой! Всем вернуться на исходные позиции! Немедленно отойти! Как слышишь, Альфа? Отбой!

— Слышу, — после длинной паузы удивления и гнева процедил сквозь зубы Крутов, унимая рванувшееся сердце. — В чем дело?

— Дуй назад, полковник! — прошипела рация. — Получен приказ, понял? Отбой захвату! Завтра пойдут переговоры. Выполняй!

— Не могу, — после еще одной паузы сказал Крутов. — Ребята уже пошли вперед. Начну отступать — положу всех!

Рация выдала порцию мата и слюны генерала Рюмина, но Крутов выключил ее, не дослушав командира. Ему памятен был случай в Буденновске со штурмом больницы, когда бойцы «Альфы» просочились на первый этаж здания и готовы были покончить с бандой Басаева втихую, ножами, но получили приказ вернуться и вынуждены были отступить, потеряв при этом людей. Кто-то в верхах перепугался последствий штурма и решил перестраховаться таким образом, прекрасно понимая, что он-то не рискует в этом случае ничем, ни жизнью, ни карьерой. А приказ об отступлении по сути явился настоящим предательством по отношению к профессионалам, особенно погибшим из-за него. Своих «витязей» Крутов терять не хотел.

— Двинулись! — бросил он команду подчиненным и добавил, хотя это было и не нужно:— Парами!

Бойцы группы и без того понимали преимущества подстраховки в такого рода операциях.

Двинулся чистить свою часть здания от боевиков Бадужева и полковник, предварительно освободившись от «киборга», максимально облегчив костюм. На нем осталось лишь черное трико и шапочка, оставлявшая открытыми глаза. Из оружия Крутов взял с собой два тонких толедских стилета, африканский кинжал листовидной формы, хорошо сбалансированный, приспособленный для метания, а также сюрикэны — звезды и

стрелки, коими владел виртуозно, попадая в пятак с расстояния в пятнадцать-двадцать метров. О приказе отступить он думать перестал, хотя знал, чем рискует в случае неудачи.

Состояние пустоты пришло автоматически, как только воля сконцентрировалась на решении боевой задачи. Полковник Егор Крутов тридцати пяти лет от роду, командир оперативно-боевой группы «Витязь» антитеррористического управления ФСБ, превратился в боевую машину, реагирующую адекватно воздействию извне и не допускающую ошибок. Такое состояние — мусин, состояние боевого транса, требовало очень большого расхода нервной энергии, зато оно позволяло двигаться в три-пять раз быстрее любого тренированного спортсмена, мгновенно реагировать на неожиданное нападение, предугадывать его и предвидеть развитие событий.

Первого боевика Крутов перехватил у туалета в конце коридора; санаторий строился давно, еще в брежневские времена, и туалеты имелись не во всех номерах. Коренастый молодец неопределенного возраста, одетый в черную куртку и пятнистые брюки, заросший волосом до глаз, с зеленой лентой через лоб, с «калашниковым» под мышкой, пошатываясь, вышел из вестибюля, подергал в пароксизме проверки ручки некоторых дверей по обеим сторонам коридора и напрямик попер в туалет. Крутов нырнул следом, зажал ему рот ладонью правой руки, а левой мгновенно вонзил стилет под лопатку, используя толчковую технику удара ножом. Второго удара не потребовалось.

Выскользнув обратно в коридор, Крутов заметил в дальнем крыле здания сгущение темноты — это шел ему навстречу кто-то из своих. Тогда он проверил комнаты до вестибюля, никого не обнаружил — ни заложников, ни боевиков, и замер за колонной, за которой налево начинался вестибюль, а направо — гардероб и двойная лестница на второй этаж. Света в вестибюле не было, но полковник хорошо видел в темноте и чув-

ствовал присутствие нескольких человек. Здесь, по данным разведки, Бадурев соорудил еще одно пулеметное гнездо, а также показательно расстреливал заложников, выбрасывая потом трупы с высокого крыльца здания.

В коридоре с другой стороны вестибюля сформировалась тень, застыла, не выдавая себя ни одним звуком. По плану операции коридор первого этажа должны были контролировать две двойки: Саши Зубко и Коки Морозова, но Крутов видел пока только одного из парней. Вторая пара, которая заняла позицию у торца здания с той стороны, где в него пробрался полковник, почему-то не появилась.

В вестибюле раздалась возня, ругань, зазвенели, раскатываясь по полу, бутылки, затем затопали тяжелые шаги, и на фоне светлого прямоугольника выхода в вестибюль возникла крупная фигура человека. Дальнейшее произошло в течение нескольких секунд.

Из коридора напротив метнулась к идущему гибкая и быстрая тень. Чмокнуло (так под ударом ножа лопается кожаная куртка), из груди человека вырвался тихий хрип. Но Крутов не дожидался конца атаки, он уже летел в вестибюль, подсвеченный всеми полутонами бордового цвета — диапазон видения сдвинулся в инфракрасную полосу спектра, — и одним взглядом обнял поле боя.

Пулеметов (калибр 12,7 миллиметра, пламегасители, лазерные прицелы) было два, они глядели в окна по обеим сторонам парадной двери, установленные на специальные станки. Мешки с песком слева и справа, какие-то шкафы и лавки. Ящики с патронами и гранатами. Отдельно на полу оружие: гранатометы револьверного типа, автоматы, переносный зенитно-ракетный комплекс типа отечественной «Стрелы». И трое боевиков, сидевших и лежавших на куче матрасов на полу возле батареи бутылок.

Один из них успел вскочить, но стилет Крутова нашел его горло, и боевик осел, не успев крикнуть. Еще

одного полковник достал, метнув звездочку сюррикэна, и добил в прыжке ножом. Третьего, очумевшего от изрядной доли спиртного, вставшего на колени и тянувшегося к оружию, вырубил кто-то из «витязей», рывком свернув ему шею.

Оба — и Крутов, и его боец — некоторое время прислушивались к тишине, потом полковник придвинул губы к уху парня:

— Где второй?

— «На спине», — выдохнул тот в ответ, что означало: «держится сзади»; это был Зубко. — У нас только двое, спали. Больше никого.

— Где Кока?

— Не знаю... — Зубко дернулся, хватаясь за кинжал, но это в вестибюль выскользнула исчезнувшая пара Морозова.

Крутов не стал выяснять, почему она задержалась, причина была наверняка весомой, и ткнул кулаком в сторону лестницы. Жест означал, что первая пара пойдет левой, вторая — правой лестницей, а сам полковник — «на спине» группы, прикрывая тылы.

Заложники в количестве ста двенадцати человек, в том числе пожилые женщины и дети, были собраны Бадуревым в кинозале санатория на втором этаже. Охраняли этот этаж десять боевиков в полной боевой форме, то есть увешанные оружием с ног до головы. По двое расположились в торцах коридора, двое сторожили вход в зал, изредка навеваясь в него и оглядывая сидящих на стульях пленников, остальные четверо стерегли лестницу. Правда, стерегли больше номинально, практически не глядя на нее, будучи уверенными, что никто посторонний снизу подняться на этаж не может.

Сам Бадурев занимал люкс-апартаменты на третьем этаже, охраняемом еще дюжиной боевиков.

Идущие впереди Крутова спецназовцы остановились перед атакой, ожидая сигнала готовности второй четверки, взобравшейся на этаж снаружи. Сигнал про-

звучал через две минуты — по рации. Лишь на Крутове в настоящий момент не было спецкостюма, остальные оставались в «киборгах», хорошо защищавших тело от удара кинжалом или другим колющим оружием. Но полковнику командовать группой, которая уже «пошла», не было нужды, ребята действовали слаженно и расчетливо, как единый организм, не раз проверенный в деле.

Два прыжка вверх по лестнице, поворот, еще два упругих прыжка, взмах рукой... Четыре тусклых блика прорезали воздух, четыре метательных ножа нашли свои цели, но «витязи» не остановились, врываясь в коридор, добились тех, кто был еще жив и мог закричать (хотя все четыре ножа вошли в горло и шею боевиков!), и метнули кинжалы в оторопело оглянувшихся на шум охранников у входа в кинозал. Остальных сторожей, потягивающих пиво в тупиках коридора по обеим сторонам здания и ведущих ленивые разговоры, тихо сняли из арбалетов и добились ножами ворвавшиеся в коридор спецназовцы второй четверки «верхолазов». Вся атака таким образом длилась около полминуты, словно прошумел по этажу смертельный ветерок, уронил боевиков Бадуева на пол и стих. Крутову даже не пришлось поучаствовать в атаке, так быстро все произошло.

Двоих бойцов он оставил стеречь кинозал с ничего не подозревающими людьми, остальные собрались у лестницы, ведущей на третий этаж, откуда доносились чьи-то голоса, смех, звуки музыки, стеклянный стук и хруст. Бадуев праздновал победу, заранее уверенный в успехе своего бравого рейда. Походы знаменитых всему миру «почетных террористов» республики Ичкерия Басаева и Радуева показали бессилие российских спецслужб и властей сладить с «героями народа», и он хотел повторить успех, попасть в разряд таких «героев», нисколько не заботясь о судьбе захваченных, а тем более расстрелянных им людей.

Крутов почувствовал нарастающую в душе волну